БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ И МЯТЕЖНИКИ

ЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Берегите книгу

Не перегибайте книгу
во время чтения

Не загибайте углов

Не делайте надписей на книге

Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу

Завертывайте книгу в бумагу.

Кіев. Городская
тальня на Подолѣ

Форма №

ЗАКЛАДКА

№№ отд.

кн.

бил.

мар.

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ И МЯТЕЖНИКИ

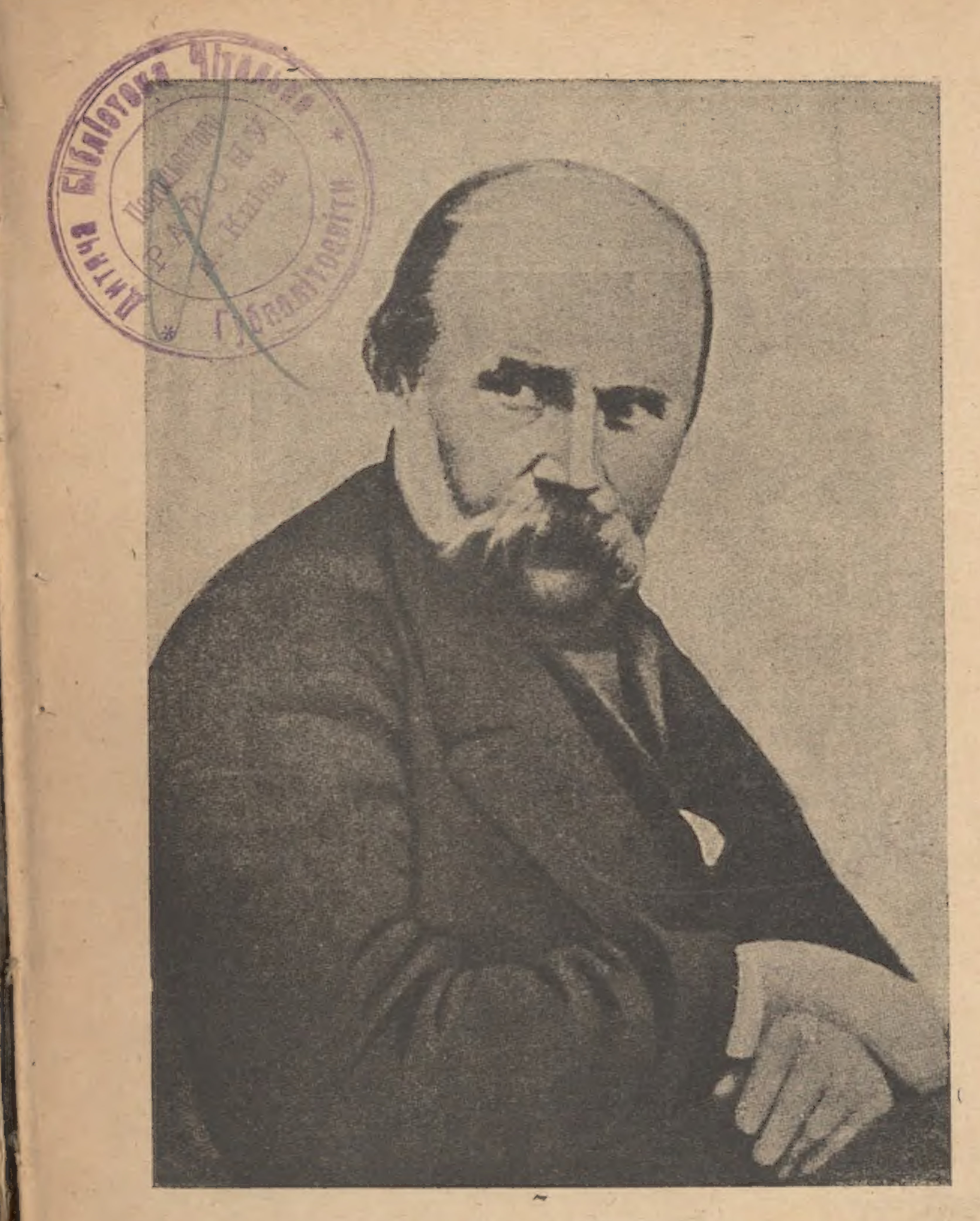
ЖИЗНЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Под редакцией
Семена Рудосветова

С 5 рисунками

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии изд. „Молодая Гвардия", Ленинград, В. О., 5 линия, 28, в количестве 5.000 экз. Ленинградский Гублит № 7409

ПЕВЕЦ УКРАИНСКОЙ БЕДНОТЫ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

1814—1860

Глава первая

ЧТО РАССКАЗЫВАЛ ТАРАСУ СТАРЫЙ БАНДУРИСТ

Среди густого бурьяна и высоких кустов калины лежит неподвижное тело маленького Тараса. Он находится здесь уже 2 часа.

Вот он слегка приподнял голову и из глаз его выкатываются две маленькие слезинки. Под глазами его мрачно синеют два кровоподтека, а из рассеченной губы алыми каплями сочится кровь.

С большими усилиями он поднялся на ноги и устремил кулак в сторону усадьбы помещика Энгельгардта, владельца Кирилловки, родной деревни Тараса.

Эту деревню Энгельгардт получил в подарок от императрицы Екатерины II. Теперь его усадьба стоит неподалеку и как бы насмешливо выслушивает угрозы маленького Тараса.

Тарас с ненавистью продолжает смотреть на усадьбу и с нестерпимой болью во всем теле начинает вспоминать все происшедшее с ним.

Сегодня он, запасшись большим куском угля, шел по полю, мечтая найти хотя бы небольшую дощечку. На ней он думал осуществить ту, как ему казалось, богатую мысль, которая вот уже три дня назойливо вертелась в его мозгу.

Он шел, задумчиво опустив голову, и совершенно не заметил, что подошел к большому забору. Этот забор отделял дом Энгельгардта от всей остальной деревни.

Тарас поднял голову только тогда, когда его ноги чуть не уткнулись в высокие доски забора.

— Ба!—радостно воскликнул он.—Тут тебе не то, что дощечка, а целый лес!

И он лихорадочно начал набрасывать линии.

Через двадцать минут на заборе красовалась толстенная женщина с жирным лицом и фигурой, напоминающей разваливающуюся бочку. Любой крестьянин Кирилловки тотчас бы узнал в этой фигуре свою барыню, жену Энгельгардта.

Тарас отступил на два шага и начал восхищенно оглядывать свою работу.

— Малец, ты что тут делаешь?

Перед Тарасом стоял высокий парень с хлыстом в руке.

Это был 16-летний сын Энгельгардта, недавно вернувшийся из Петербурга, где он обучался

в лицее (гимназия, в которой воспитывались дворяне).

— Рисуешь? — насмешливо спросил он и подошел поближе посмотреть. Неожиданно лицо его исказилось яростью: в смешно нарисованной женщине он узнал помещицу Энгельгардт.

— А, так ты так!

Он поднял руку, и хлыст барчука прошелся прямо по лицу беззащитного Тараса.

Тарас схватился за лицо. Удары градом продолжали сыпаться на него со всех сторон. Он упал, потом под непрекращающимися ударами хлыста поднялся, бросился бегом, добежал до бурьяна и упал без сознания...

Луна давно уже обливала белым холодным светом задремавшие малороссийские хаты, лес уже шумел по-ночному, а Тарас все еще сидел на камне и вспоминал...

– Погоди! Я тебя поймаю на улице, я тебе покажу!..— продолжали сыпаться слова с его посиневших, вздутых губ.

Тарас просидел на камне до позднего вечера. Потом, еле подняв изувеченное тело, он поплелся домой. У тихого ручейка он остановился, снял рубаху, окунул ее в воду и приложил к горящему лицу. Боль как-будто утихла.

Тихие стройные звуки бандуры заставили его встрепенуться: Тарас мог часами просиживать где-

нибудь в поле и слушать песенные рассказы бандуриста о прошлом его милой Украины.

Он оглянулся и на дороге, ярко освещенной луной, увидел знакомого деда, с тихой песней направляющегося к ручью.

— Дедушка, добрый дедушка! — И Тарас, забыв обо всем, бросился в объятия бандуриста.

— Чего тебе, постреленок?—ласково погладил дед голову Тараса.

— Расскажи что-нибудь, расскажи! — И Тарас с таким усердием начал обнимать деда, что тот чуть не задохся.

— И не стыдно тебе дедушку так мучить?! Ну, ладно, так и быть, расскажу, — ласково проговорил дед и уселся на бережку. Тарас, весь дрожа от нетерпения, уселся рядом с ним.

Все вокруг как бы притихло и замерло: не видно ни одного человеческого существа, не слышно ни лая собак, ни щебетания птиц, ни шелеста листьев, как-будто не только люди, но и вся природа приготовилась слушать старого кобзаря.

Кобзарь некоторое время настраивал бандуру, потом приготовился и начал...

Перед лицом Тараса стройным рядом начали всплывать картины прошлого.

Вот под командой Богдана Хмельницкого движется по степи несметное казачье войско, идущее освобождать свою землю от ига польских помещиков.

Струны деда поют тихо, и Тарас ясно видит освещенные луной лица казаков. Но вдруг звуки из тихих делаются громкими, бандура не плачет, а зовет, и вот уже не степь, а поле битвы расстилается перед глазами Тараса. Казаки бесстрашно дерутся с панами за свое освобождение. Еще нажим, и паны обращаются в бегство. Боевая труба громко извещает казаков о победе и о создании свободного Украинского государства.

Струны поют тише, будто оплакивая убитых, и в глазах Тараса кровавый туман.

Туман начинает рассеиваться, и сквозь него видит Тарас чубатую голову Богдана Хмельницкого. На лице Богдана блуждает хитрая улыбка.

Он понимает, что власть теперь начинает переходить к бедняцкому и середняцкому казачеству, и он заключает союз с Москвой, чтобы при помощи московского царя и бояр удержать богатство и власть в своих руках.

Бандура рассказывает, и на лицо Богдана начинают наплывать новые тени. Это по украинским степям движется московское войско, чтобы отнять у казаков их вольности и землю [1]. Богдан обманул

[1] Нужно различать украинских казаков, живших в городах и селах и занимавшихся главным образом земледелием, и казаков запорожских, образовавших на одном из островов Днепра военное братство — Запорожскую Сечь. Главным „занятием" запорожцев была война. Екатерина II разорила и уничтожила Сечь в 1775 г., чем вызвала к себе страшную ненависть украинцев, видевших в Сечи свою защитницу.

казаков, а московский царь Алексей Михайлович обманул Богдана. Царю усердно помогает панская Польша, сохранившая в своих руках большую часть Украины. Казаки порабощены и превращены в рабов...

Струны снова громко поют, и Тарас видит сражение под Уманью. Это в 1768 г. в польской части Украины крестьяне поднимают восстание— гайдамачину. Во главе их стоят запорожец Зализняк и уманский сотник Гонта.

Бой продолжается, но казаки не могут устоять перед силой объединенных русских и польских помещиков...

Бандура плачет о том, что казаки надолго обратились в помещичьих рабов. Но песня дышит жгучей ненавистью к своим классовым врагам и желанием свободы.

Песня кончена.

Бандурист взял бандуру и молчаливо ушел, не желая тревожить неподвижно сидящего, задумавшегося Тараса.

Глава вторая

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТОЛБЫ

Тихо катит свои мирные воды небольшой ручеек, ярко озаренный жарким полуденным солнцем, пробираясь с легким журчанием по светло желтому песку, по разноцветным мелким

камешкам, сплошь окаймленный огромными кустами калины и широколиственным темно - зеленым лопухом.

У ручейка, среди маленького садика, окружающего одну из ослепительно белых малороссийских хаток, раздается детский голосок:

— Что ты хочешь делать, Катра? [1]

— Да вот хочу выполоть свой цветник; мне все некогда было им заняться, — проговорила девочка, нагнувшись над небольшой клумбой незатейливых, но блестевших яркими красками цветов.

При этих словах сестры маленький Тарас окинул самодовольным взглядом все небольшое пространство, занятое цветником Катры.

Дети, поболтав, уселись под большой, развесистой яблоней, занимавшей самую середину цветника. Катра обняла брата, который, крепко прижавшись к ней, устремил свои большие ясные глаза в даль.

— А что, Катра, там, за этой горой, которую видно отсюда? — спрашивает он задумчиво сестру.

— За той горой такие же поля и луга, как и у нас, такие же села и деревни, как и наша Кирилловка, — отвечает сестра.

---

[1] Катра—уменьшительное малороссийское имя от слова Катерина.

— Нет, Катра, там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. Вот если бы пойти и посмотреть, как это они его поддерживают, — возражает мальчик с убеждением.

— Может быть, там стоят и железные столбы, — отвечает нерешительно Катра, делая взрослое лицо. — Но до них должно быть очень далеко, и надо пройти немало верст, чтобы увидеть их.

— А что, если я попытаюсь дойти до железных столбов и увижу, как они стоят и поддерживают небо?

— Ну, куда тебе, такому маленькому, итти так далеко. Ты еще заблудишься и совсем пропадешь, — проговорила озабоченно сестра. — Не делай этого, Тарас!

Мальчик промолчал, но глаза его смотрели попрежнему пытливо в даль, как бы желая проникнуть за таинственную завесу, отделявшую его от неведомого, манившего к себе мира, и много неясных, фантастических представлений бродило в этой детской головке.

Тараса неотступно преследовала одна мысль: иди за курган, иди за курган, посмотри, как железные столбы поддерживают небо.

„Да, я пойду, непременно пойду сегодня за гору“, — решил мысленно маленький Тарас.

— Катра, Тарас, идите обедать! — раздался внезапно женский голос близ калитки палисадника.

— ...А что если я попытаюсь дойти до железных столбов и увижу, как они стоят и поддерживают небо?- нерешительно спросил Тарас свою сестру

— Пойдем, мой милый Тарасенько, мама зовет обедать, — сказала Катра, вставая и нежно гладя по головке замечтавшегося мальчика.

И ребята поспешили на зов матери.

Часа два спустя, несмотря на все еще палящий зной, Тарас поспешно покидал Кирилловку, на каждом шагу озабоченно оглядываясь на видневшиеся невдалеке белые мазанки. И лишь только последние стали мало-по-малу исчезать, как он пустился бежать со всех ног, пробежал, не останавливаясь, всю долину и, усталый, измученный, с ярко пылающими щеками, с влажным лбом, упал в изнеможении на траву у подножия кургана.

„Вот он курган, который виден из отцовской хаты, — подумал он, оглядываясь вокруг. — Дед вчера говорил, что это казацкая могила, что тут похоронены наши казаки, убитые в драке с поляками, и что когда убивали одного казака, то на долю одного убитого приходилось десять панов, а то и более. Да, молодцы были сыны вольной Украины — гайдамаки. Вот отдохну маленько, а затем взлезу на могилу и погляжу: далеко ли осталось до железных столбов?“

Когда маленький Тарас достиг вершины, солнце уже низко опустилось. Задумался Тарас.

„Нет, отсюда не видать железных столбов видно, до них еще далеко, а итти туда сегодня поздно. А вот завтра, когда Катра погонит коров в поле, я и пойду к железным столбам“.

И скатившись кубарем с могилы, он встал на ноги и пошел, не оглядываясь, по направлению к одному из видневшихся сел. Шел, шел он долго, а до села все еще далеко, тогда как Кирилловки и вовсе не видно. Жутко стало маленькому Тарасу, особенно в виду быстро надвигавшихся сумерек и наступавшей ночи.

Тараса, которого любознательность завела так далеко, выручил проезжавший мимо чумак, который на своей телеге подвез его до Кирилловки.

— Где ты пропадал, Тарас? — спросила его мать, когда он вошел.

— Я ходил на курган посмотреть, не видно ли оттуда железных столбов?

— Какие такие железные столбы? — спросила не без удивления мать.

— А на которых небо держится, — ответил с уверенностью мальчик.

Мать взглянула на него вопросительно, но промолчала.

Тарас отправился спать и через минуту потянулся с видимым удовольствием, сладко зевнул и погрузился немедленно в глубокий сон, позабыв обо всем на свете.

Все стихло, только бледнеющая луна заглянула с любопытством в окно, разлилась серебристой рябью на маленьких стеклах мазанки, легла широкой полосой на кирпичном полу и осветила его лицо.

Мать его тоже спала спокойно. Она и не подозревала, что через несколько лет ее беспокойный сын найдет много железных столбов, к которым привязана его Украина, и что он будет стараться всеми силами ниспровергнуть эти столбы.

Глава третья

„ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО" ТАРАСА

С того дня, как Тарас двинулся искать „железные столбы", прошло три года.

Была весна 1823 г.

Снова перед нами та же белая хатка, тот же цветник с большой яблоней посередине и с пестрыми цветочками вокруг нее, а в нем двое наших старых знакомых, дети крепостного крестьянина Григория Шевченко — Катра и Тарас. Они оба значительно выросли, и на лицах их не видно прежней беззаботности. Видимо, жизнь успела наложить на них в течение этого времени свою тяжелую печать горя и страданий.

Катра сидела в глубокой задумчивости под развесистой старой яблоней и смотрела неопределенно вдаль, Тарас не сводил ясных глаз с грустного личика сестры. Внезапно по щекам ее заструились слезы.

— О чем ты плачешь? Все о маме?—спросил Тарас.

— Да, Тарас! Завтра три месяца, как не стало нашей матери, а сегодня отец мне сказал, что ему без жены в доме с пятью ребятами не обойтись и что ему придется скоро жениться... У нас будет мачеха вместо нашей доброй, дорогой мамы! — сказала Катра, и в глазах ее блеснули слезы.

Мальчик смотрел растерянно на плачущую сестру и, не зная, что сказать ей в утешение, молчал.

— Ведь у нее, Тарас, своих трое детей, — продолжала Катра, — и ты увидишь, что, как только она войдет к нам в дом, у нас начнется такая же жизнь, как у дяди Захара. Ее дети всегда будут правы, а мы будем отвечать и за себя и за них.

— Не бойся, Катра, я тебя никому не дам в обиду и не позволю мачехе ни бранить, ни бить тебя, — сказал Тарас, гордо подняв голову и сверкнув глазами.

Он обнял сестру и сказал ей вполголоса, как бы опасаясь быть кем-нибудь услышанным:

— Знаешь, Катра, я не боюсь ее и никогда не буду бояться. Если она станет меня очень обижать, я убегу отсюда, уйду далеко и навсегда из Кирилловки.

— Куда же ты уйдешь? — спросила испуганно сестра.

— Уйду за гору, за железные столбы, чтобы меня никто не нашел. Я знаю, что мне придется

итти очень далеко, потому что железных столбов за горою нет, но я все-таки уйду, и мачеха меня не отыщет!

*

Катра была права.

Не прошло и месяца, как в доме водворилась мачеха, а вместе с ней и та жизнь, о которой говорила Катра...

В старшие годы, когда Тарас был уже знаменитым поэтом, он не раз вспоминал об этой тяжелой поре.

Вот одна картинка этой жизни.

Наступают летние сумерки. Вся семья Шевченко в полном сборе и готовится сесть за ужин; по обыкновению, недостает одного Тараса, который убегает при первой возможности из дому, чтобы побродить по окрестностям или поиграть с деревенскими ребятами.

— Дети, ступайте ужинать! — кричит со двора мачеха. — А Тарас все еще не приходил?

— Его нет дома, мама, —отвечает ее старшая дочь.

— Ну, что ж, сам виноват, останется без ужина. И где он ночью таскается? Вот ведь не пропадет вовсе, а беда была бы невелика: одним негодяем было бы меньше, уж такого озорника еще свет не производил. Целый день-деньской таскается и ничего не делает, только и знает углем стены мазать. Возьмет уголь и мажет разные рожи, а о том не подумает, что из-за его маранья я должна

по два раза в неделю хату белить. Не ребенок, а сущий бесенок какой-то! Да и батюшка хорош, совсем избаловал мальчишку. Ведь он тебя в грош не ставит! — обратилась она с озлоблением к мужу.

— Ну, будет, уж довольно я об этом наслышался, — сказал мрачно Шевченко-отец.

— Что будет? Что будет? Я всегда скажу правду, что ты не отец своим детям, а старая тряпка и они все тебя в грош не ставят!

Вдруг из сеней хаты послышались отчаянный вопль и крик и во двор вбежал растрепанный, захлебывающийся от слез Степанко, младший и любимый сын второй жены Шевченко. За ним следовал раскрасневшийся, с сверкающими глазами Тарас.

— Степа, Степа, что с тобой, родимый мой? осведомилась заботливо бросившаяся к нему на встречу мать.

— Меня, мама... Тарас избил... — продолжая всхлипывать, отвечал Степанко.

— Избил? Как избил?

— Кулаками... и за волосы... — отвечал Степанко и заревел пуще прежнего.

— Как ты смел, мерзкий мальчишка, бить моего Степанко? — обернулась вся пылающая гневом мачеха Тараса.

— Он украл мои бабки и забросил их, я его и прибил, — отвечал с сознанием своей правоты маленький Тарас.

— Ах ты, скверный мальчишка, ах ты, щенок,— закричала вне себя рассвирепевшая мачеха, и ругань и побои посыпались бы щедро на ненавистного пасынка, если бы последний не счел за лучшее спастись бегством.

Вот еще одна картинка из жизни поэта.

В один прекрасный день живший у Шевченко квартирант взволнованно вбежал в дом.

— В чем дело? — спросил недоумевающе Шевченко-отец.

— В чем дело? Будто и не знаете! Сами, разбойники, украли у меня три злотых, все мои деньги, и еще спрашиваете, в чем дело. Вот как упеку вас всех под суд, тогда узнаете, в чем дело!..

— Христос с тобой, кто же украдет у тебя деньги! Наша семья — честная семья, и таких дел за нами никогда не водилось. Спроси любого в деревне, тебе каждый это скажет! — проговорил твердо Григорий Шевченко.

— Нечего сказать. Хороша честная семья, которая обкрадывает своих постояльцев! — продолжал попрежнему запальчиво старый служивый.

— Может быть, ты их обронил где-нибудь, а взводишь поклеп на нас, — возражал Шевченко.

— Не мог я их обронить, коль все три злотых лежали у меня, завернутые в носок, под подушкой. Знать ничего не хочу, чтобы сегодня же мои деньги были налицо, а иначе иду жаловаться на

вас, грабителей, управителю. И достанется же тогда вам.

Григорий Шевченко замолк в виду подобного обвинения и не находил более слов в с ою защиту.

— Хорошо, — медленно проговорил он, — я продам сегодня же юбку моей покойной жены и возвращу тебе твои деньги, хотя я и не крал их, но потому, что они пропали из моего дома.

— Не украл ли их Тарас? — проговорила внезапно жена Шевченко.

— Тарас... — возразил задумчиво отец. — Он не вор.

— Он на все способен, — проговорила жена.

— Тарас, ты взял деньги у служивого? Говори правду, не ври! — обратился отец к Тарасу.

— Нет, тятька, я их не только не брал, но и в глаза не видел. Не знал даже, есть ли у него деньги, — отвечал мальчик, спокойно глядя в глаза отцу.

— Не ври, не то изобью, а допытаюсь правду! — проговорил отец, раздраженный всей этой сценой.

— Я, тятька, не вру, — отвечал попрежнему спокойно Тарас. — Я не видел его денег.

— Добром не сознается, — проговорила злобно мачеха, — надо его взять к допросу. Ведь украл же кто-нибудь деньги, а кроме него некому. Разве мало за ним „хороших“ дел водится?

Тарас знал хорошо по неоднократному горькому опыту, что все его клятвы и уверения не

приведут ни к чему. Поэтому, сообразив все эти доводы, Тарас направился, не медля ни минуты, в заброшенный огород, неоднократно служивший ему убежищем в тяжелые минуты жизни, и забился в нем среди густого бурьяна и высоких кустов калины. Никто не заметил его внезапного исчезновения за исключением маленькой сестры, Ирины, которая, последовав за ним, видела, куда он скрылся.

Очутившись с раннего утра в полном одиночестве, деятельный и живой Тарас подумал прежде всего о том, как убить время и чем занять долгий летний день.

„Устрою себе шалаш, который в случае надобности защитит меня и от солнца и от дождя“, — подумал он.

И вот новый маленький Робинзон занялся немедленно устройством своего жилища в кустах калины. Покончив с ним, он прочистил к нему дорожки и усыпал песком.

Между тем время шло своим обычным чередом, и наработавшийся вдоволь маленький отшельник почувствовал сильный голод.

„Откуда же я достану себе поесть? Ведь мне придется или умереть с голоду или вернуться домой“, — подумал с грустью Тарас, все сильнее и сильнее ощущая голод.

— Тарас, ты здесь? — послышался внезапно детский, тихий голос.

— Я тут, Ирина. Но почем ты знала, где меня искать? — спросил он, обрадованный и удивленный неожиданным появлением младшей сестры.

— Я видела, как ты ушел из дому и куда спрятался, и принесла тебе поесть. Ты, небось, проголодался, не евши ничего с утра.

Дети уселись в только что устроенном шалаше, и Тарас принялся быстро уничтожать полученную им пищу. Утолив голод, он обратился с вопросом к сестре:

— А что говорит про меня тятька?

— Сердит на тебя, а мачеха говорит: значит ты украл у солдата деньги, если бежал из отцовского дома! Ведь это неправда, Тарас?

— Нет, Ирина, я и в глаза не видал его денег.

— Как ты думаешь, Тарас, кто мог украсть их?

Тарас глубоко задумался и затем проговорил не совсем решительно:

— Право, не знаю... Может, Степанко... он постоянно около жильца вертелся.

— И то правда! — воскликнула девочка.

Поговорив еще немного, Ирина ушла, сказав на прощание Тарасу:

— Берегись, Тарас, мачехины ребята всюду разыскивают тебя, и я видела, как сегодня Степанко бродил неподалеку от тебя...

Но предостережение сестры не послужило ни к чему. На пятый день со времени бегства Тараса из отцовского дома дети мачехи открыли его убе-

жище, и он был взят на допрос. Его родной дядя, Павлов, принял на себя роль следователя и исполнителя; убежденный мачехой в виновности Тараса, он решил добиться от него сознания и покаяния.

Маленький Тарас был связан по рукам и по ногам и награждаем в течение трех дней, лишь с небольшими перерывами, сильными ударами розог. Не выдержав истязания и, уступая мольбам горько плакавшей маленькой Ирины, Тарас принял на себя чужую вину, но когда от него потребовали указать место, куда именно он спрятал украденные деньги, то мальчик ответил, что он никуда их не прятал, так как никогда их не брал.

Тогда Павлов заявил Тарасу, что его будут сечь до тех пор, пока он не сознается в совершенном им проступке. Тарас не сказал ни слова в свою защиту. Истязание возобновилось с прежней силой. И вот в самый разгар избиения в избу вбегает раскрасневшаяся и запыхавшаяся маленькая Ирина и кричит прерывающимся от волнения голосом:

— Не бейте!.. Не секите Тараса... Деньги украл Степанко... Я сама видела, как он вынимал из дупла старой вербы, что растет у забора сада!

Правда всплыла наружу слишком поздно. Воспоминание о перенесенных им мучениях и несправедливостях оставило неизгладимые следы в душе Тараса.

Так проходило раннее детство поэта.

К этому нужно еще прибавить, что отец Тараса был крепостным помещика Энгельгардта и выполнял тяжелую барщину наравне со всей семьей.

Глава четвертая

ГОДЫ УЧЕНИЯ

Когда Тарасу исполнилось десять лет, отец отдал его на выучку славившемуся своей „ученостью" бывшему крепостному Губскому. Но учитель ничему хорошему не мог научить его, тем более, что все свои знания он старался внедрить в Тараса при помощи розог.

Вскоре отец сильно занемог. Находясь при смерти, он призвал к себе жену и детей и распределил между ними свое скудное крестьянское имущество. Обратясь к Тарасу, он сказал:

— Сын мой Тарас не нуждается ни в чем из моего хозяйства: из него выйдет необыкновенный человек — или весьма хороший, или весьма дурной!

Слова отца оказались пророческими. Сын его Тарас не нуждался ни в каком наследстве: он с малых лет уже унаследовал богатый дар поэта и художника и горячее стремление к освобождению Украины.

Тарас горько оплакивал смерть отца. Ему казалось, что он потерял свою последнюю опору и защиту.

Он остался на попечении мачехи, которая, ненавидя сироту за скрытность и упрямство и не желая иметь его на глазах, поручала ему с самой весны до поздней осени пасти телят и свиней в окрестностях Кирилловки и Тарасовки.

С ломтем черного хлеба Тарас целые дни проводил в поле. Кругом него расстилалась бесконечная волнообразная степь, как бы постоянно убегающая в даль и лишь местами прерываемая высокими курганами. Эти древние казацкие могилы были любимым местом отдыха маленького Тараса. Нередко сидел он по целым часам у их подножья, задумчиво вглядываясь в окружающую его синюю даль.

Впечатления детских лет налагали неизгладимые следы на восприимчивую душу будущего поэта и сказались впоследствии в одном из его лучших поэтических произведений—„Кобзарь", где он так образно описывает именно ту местность, среди которой провел свои детские годы:

Кругом его синеет степь
Подобно пространному небу,
За могилами могилы...

К селу Тарасовке прилегал живописный пруд, поросший осокой и окаймленный стройными тополями. Тарас Шевченко описал точно так же и эту картинную местность в своей прекрасной балладе „Про лихую долю тополя",

По дубраве ветер воет,
Гуляет по полю,
Пригибает стройный тополь
До самого долу...

Очевидно, родная местность дала ему немало красок для поэтических созданий, доставивших ему известность и увековечивших его имя среди грядущих поколений.

Но Тарас Шевченко не был только мечтателем-художником.

В этой красивой местности он видел также своих крепостных братьев, которые с утра до позднего вечера работали в поле, выполняя барщину. Не даром впоследствии писал он, обращаясь к богатым:

Погляди: теперь повсюду
Церкви да палаты...
Веселись, палач жестокий,
Проклятый, проклятый!..

И рядом с этими гневными строками, обращенными к богатым, Тарас неустанно звал бедноту бороться за свое освобождение.

...Поднимайтесь,
Цепи разорвите;
Злою вражескою кровью
Волю окропите!

Шевченко предстояло пройти весьма тяжелый жизненный путь. Его мачеха старалась во что бы

то ни стало сбыть сироту с рук и отдала его в школу, к сельскому дьячку Бугорскому, где возобновилось учение Тараса, прерванное вначале мачехой на букваре. Там он изучил „часослов“ и „псалтырь“, после чего перешел к священнику Пестеровскому, где выучился писать, а затем снова возвратился к Бугорскому.

Вот как описывает сам Шевченко эту школу, в которой ему суждено было продолжать свое ознакомление с грамотой.

„По субботам, перед роспуском по домам, всех нас, и правых и виноватых, секли, причитывая четвертую заповедь. Обязанность эту исполнял консул, то-есть старший в классе“.

Понятно, что учитель был вполне достойным представителем тех порядков, которые царили в этом доме учения и просвещения юношества. Главной целью такого воспитания было создать из этих детей покорных слуг царского престола.

Тарас Григорьевич оставил следующее описание своего двухлетнего пребывания в школе этого сельского „учителя“, который отнюдь не был исключением среди тогдашнего учительства.

„Мое детское сердце,—пишет Тарас, — было скорблено этим исчадием жестоких занятий миллион раз, и я окончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения люди: местью и бегством. Найдя учителя однажды бесчувственно

пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все жестокости".

Уже с раннего детства розги внушали Тарасу не боязнь перед угнетателями, а желание выбить эти розги из их рук.

Маленький Шевченко покидал нередко школу и бродил по ближайшим окрестностям и пустырям. В таких случаях он удалялся чаще всего в свой любимый сад, где проводил по несколько дней в полном одиночестве, занимаясь излюбленным им делом — рисованием, и туда приходили к нему его две сестры — Катра и Ирина, снабжавшие его съестными припасами.

После расправы с своим мучителем Тарас бежал ночью в местечко Лысянку, к маляру-дьакону, который, повидимому, ничем не отличался от прежнего педагога и от которого он снова бежал четыре дня спустя к дьячку села Тарасовки. Но последний отказал ему наотрез в помощи, сказав, что он находит его ни к чему негодным и неспособным даже ни к какому ремеслу.

Так странствовал он с места на место, из одного села в другое, ища возможности научиться чему-нибудь полезному. Главной же целью его было сделаться хотя бы посредственным маляром.

Наконец, потеряв всякую надежду на осуществление своей заветной мечты, он возвратился в свое родное село.

Его старший брат, Никита, попробовал было приучить его к хозяйству, но все его старания оказались тщетными. Тарасу очень скоро наскучили эти занятия, он бросал волов в поле и уходил бродить на свободе с постоянной, неотступной мечтой выучиться рисованию.

Еще раз попытался он устроиться в Хлебновке, у тамошнего маляра, но когда он пришел к управляющему помещика Энгельгардта, Дмитренко, для получения от него вида на жительство в Хлебновке, то так понравился ему, что тот вместо выдачи ему свидетельства взял его в число своей дворовой прислуги.

Это было в 1829 г., когда Тарасу Шевченко исполнилось 15 лет.

Глава пятая

ОТ КИРИЛЛОВКИ ДО „САНКТ-ПЕТЕРБУРГА“

Несколько времени спустя целый ряд переселенцев двинулся из деревни Ольшаной по направлению к Вильно. Это помещик Энгельгардт переселялся из одного своего поместья в другое.

Среди толпы переселенцев находился в должности поваренка и Тарас Шевченко.

Накануне был составлен список с обозначением качеств и свойств каждого человека, подвергнутого предварительному испытанию в доме упра-

вляющего. В этой оригинальной накладной на „живой товар“ против фамилии Тараса Шевченко значилось следующее:

„Годен на комнатного живописца“.

Но не взирая на подобную аттестацию управляющего, Тарас по прибытии в Вильно был немедленно зачислен в комнатные казачки.

Вот что говорит поэт о своей новой должности:

„Польские помещики былого времени содержали казачков, кроме лакейства, еще в качестве музыкантов и танцоров. Мой помещик в качестве русского немца смотрел на казачка более практическим взглядом, вменяя мне в обязанность только молчание и неподвижность в углу передней. Но по врожденной мне дерзости я нарушал барский приказ, напевая чуть слышным голосом унылые гайдамацкие песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы. Барин мой был человек деятельный; он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в С.-Петербург и таскал за собой в обозе и меня для сидения в передней, подавания трубки и тому подобных надобностей“.

Но подобно тому как маленький пастух-Тарас малевал углем свои детские произведения на стенах отцовской хаты, подобно тому как поваренок-Тарас устраивал в густой чаще сада подобие картинной галлереи, увешивая деревья произведениями суздальской школы, на покупку которых он употреблял каждый попавшийся ему грош, и, удаляясь

туда в часы досуга, пел песни и срисовывал какого-нибудь Кутузова или „Поклонение волхвов“, за что получал чувствительные наставления от главного повара, — так точно и казачок-Тарас попрежнему страстно стремился к живописи, отнимая у себя в случае возможности часы отдыха и сна для занятия излюбленным им искусством.

Было 6-е декабря 1829 г. Зимняя, морозная ночь надвинулась уже давно и окутала своим темным покровом древний город Вильно, некогда бывший столицей Литвы, а теперь, так же как и Украина, находившийся под пятой русского царя.

В большой, богато обставленной комнате, тускло освещенной двумя свечами, горевшими на стоявшем посредине ее столе, сидел Тарас в тиковой куртке и с большим увлечением рисовал казака Платова с лежавшей перед ним плохой гравюры.

Отдавшись всецело своей работе, он не заметил, как приблизился час возвращения его барина, как вдруг дверь с шумом растворилась, в комнату вошел барин и яростно накинулся на Тараса.

— Как смел ты, негодный мальчишка, зажигать свечи в мое отсутствие?

Оторопевший, перепуганный Тарас стоял в струнку перед своим повелителем, лишенный возможности сказать что-либо в свое оправдание и безмолвно принимая щедро сыпавшиеся на него удары.

— Эй, человек!—крикнул Энгельгардт.

...Помещик отдал приказание выпороть Тараса на конюшне

На этот зов появился в дверях пожилой слуга, одетый в коричневый фрак с светлыми пуговицами.

— Скажи Сидорке, чтобы он завтра утром отодрал хорошенько на конюшне этого мальчишку!— проговорил Энгельгардт, обращаясь к слуге.

Тот безмолвно наклонил голову и удалился. За ним последовал и осужденный Тарас...

. . . .

Утром Тараса выпороли на конюшне.

А вечером он, весь избитый, при тусклом свете свечи писал сестре письмо на родину.

В этом письме он вспоминал свои детские обиды, рассказывал про теперешние муки и говорил, что отказался от детской мечты пороть своих учителей. Он пришел к выводу, что только общим восстанием сможет беднота скинуть со своих плеч тяжелое иго.

„Дорогая сестра,—заканчивал он свое письмо,— призыву к борьбе за освобождение угнетенных я отдам всю свою жизнь“.

Так протекала жизнь Тараса в Вильно, где, как мы видим, ему жилось не лучше, чем на его родной Украине.

Вскоре помещик Энгельгардт переехал в Варшаву, но оттуда ему пришлось улепетывать, в виду нараставшего революционного движения в польском народе.

В 1832 г. Тарас очутился в Петербурге — столице русских царей, городе царского деспотизма, городе первых искр организованного рабочего движения.

В то время царствовал Николай I, которого русский народ прозвал Николаем Палкиным. Его прозвали так потому, что все ему подчинялись под угрозой палки.

Этот царь был самым богатым русским помещиком. Он помогал дворянам, таким же помещикам, как и он сам, а также купцам, которые покупали у помещиков хлеб, добытый тяжелым крестьянским трудом.

Хорошо жилось при этом царе также фабрикантам и заводчикам, которые покупали у помещиков лен, пеньку, сало и прочее для своего производства и которые всячески эксплоатировали рабочий класс, бывший еще малочисленным и тогда еще только начинавшим делать свои первые революционные шаги.

В Петербурге Тарасу жилось не лучше, чем на Украине, в Вильно или в Варшаве.

Он все более и более убеждался в том, что трудящемуся человеку жить везде одинаково плохо и что у трудящихся всей земли есть одна общая цель: бороться за свое раскрепощение.

Глава шестая

ВЫКУП ТАРАСА

Светлая белая ночь нависла над Петербургом. В Летнем саду при бледном безжизненном свете северной зари резко выделяются расставленные вдоль дорожек мраморные статуи, изображающие греческих богов и богинь в виде красивых людей.

На скамейке против одной из статуй сидит парень, босой и без шапки, в засаленном тиковом халате, в рубахе и в запачканных краской штанах из грубого деревенского холста.

Быстро переводя свой взгляд со статуи на большую тетрадь, которую он держит в руках, он торопливо срисовывает красивую фигуру.

Это Тарас Шевченко, тайком убежавший ночью из квартиры маляра Ширяева, предается на свободе своему любимому занятию.

Он очень устал, так как целый день красил крыши; завтра опять предстоит ему та же тяжелая работа, но, увлеченный любимым делом, он не чувствует усталости и не думает об отдыхе. Окончив рисовать, он не спешит домой. Мысленно он переносится на далекую родину с ее темными звездными ночами, с ее степями и могилами, с обездоленным людом, изнывающим в крепостном рабстве.

Рука его опять тянется к карандашу, и листы его заветной тетради теперь покрываются звучными стихами на украинском языке: Тарас не только живописец, он и поэт.

Вот что говорит об этой поре своей жизни сам Шевченко:

„В 1832 г. мне исполнилось восемнадцать лет, и так как надежды моего помещика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то он, вняв неотступной моей просьбе, законтрактовал меня на четыре года разных живописных дел мастеру, некоему Ширяеву, который соединял в себе все качества моих прежних наставников; но несмотря на весь гнет этого тройственного гения, я в светлые осенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй. В один из таких сеансов я познакомился с видным в ту пору художником Иваном Максимовичем Сошенко“.

Сошенко отнесся очень тепло к своему молодому талантливому земляку и пригласил его к себе.

В первое же свободное воскресенье Тарас явился к нему, одетый в замасленный тиковый халат, в рубашку и нижнее платье из толстого деревенского холста, вымазанный краской, босой, без шапки.

Несмотря на свою природную застенчивость, он под влиянием товарищеского приема высказал Ивану Максимовичу Сошенко свое давнее горячее желание учиться живописи.

Грустная повесть прошлых мытарств молодого Тараса тронула до глубины души добряка Сошенко. Не имея возможности помочь Шевченко лично, Иван Максимович обратился к участию более влиятельных знакомых, и вскоре через посредство ряда лиц молодой Шевченко был представлен знаменитому русскому поэту Жуковскому.

Понятно, что столкновение и знакомство с представителями тогдашнего культурного общества не могло остаться без влияния на развитие чуткого и восприимчивого Тараса. Он услышал в последовательно изложенной форме многое, что до этого смутно бродило в его собственной голове.

Под влиянием этих знакомств Шевченко приохотился к чтению лучших образчиков тогдашней литературы, проглатывая каждую такую книгу, впитывая в свой жадный мозг каждую кроху новых сведений.

После целого дня работы, состоявшей в покраске оконных рам, дверей, а иногда и заборов, Тарас взбирался на свой чердак, зажигал один из тщательно сберегаемых им сальных огарков и читал, читал все, что попадалось ему под руку.

Лишенный в детстве систематического обучения, которое облегчило бы ему путь к серьезному образованию, очутившись в большом городе со знанием одного лишь часослова и псалтири,

Шевченко приходилось с величайшим усилием прокладывать дорогу к настоящим знаниям, к подлинному умственному развитию.

Заложенная в Тарасе большая воля, без удержу стремящаяся ломать препятствия, помогла ему в течение короткого времени успеть то, что, казалось, можно достичь только многолетней систематической работой под руководством опытных учителей.

Весть о талантливом маляре-самоучке дошла до Жуковского еще до того, как Тарас был ему представлен одним из художников, друзей Сошенко.

Жуковский решил испробовать умственные способности Тараса, дав ему следующее задание: написать сочинение на тему „Жизнь художника“.

С этой задачей Шевченко справился настолько хорошо, что Жуковский стал усердно хлопотать о выкупе на волю крепостного юноши, который был необыкновенно даровитым человеком.

Но это сделать было не так легко. Энгельгардт, как мы увидим, ценил свой живой товар очень высоко.

Тем временем, по совету Сошенко, Тарас начал писать акварелью портреты с натуры, и эти занятия шли так успешно, что даже его барин, увидев случайно его работы, стал ему заказывать портреты своих близких знакомых и изредка награждал его даже по рублю за портрет.

К этому же времени относится один комический эпизод из жизни поэта, чуть было не оказавшийся роковым для всей его жизни.

Какой-то генерал заказал ему портрет за 50 руб. Шевченко исполнил заказ, но генералу портрет не понравился, и он отказался взять его. Тарас, обиженный поступком генерала, решил отомстить ему. Узнав, что он посещает аккуратно одну и ту же парикмахерскую, Шевченко предложил хозяину ее купить у него для вывески генерала с намыленной бородой. Тот охотно согласился приобрести почти задаром такое прекрасное украшение для своего заведения.

Увидев на вывеске свой портрет, генерал пришел в бешенство и тотчас же перекупил его, а чтобы отплатить дерзкому маляру, он обратился к Энгельгардту с просьбой продать ему крепостного художника, предлагая за него большие деньги.

Энгельгардт готов был согласиться на такую выгодную сделку, хотя и знал, что цель покупателя—жестоко отомстить Тарасу Шевченко.

Как никогда раньше, почувствовал Тарас весь ужас крепостной жизни.

Он уже готовился приступить по-настоящему к своей давнишней мечте: написать ряд литературных произведений, в которых были бы описаны картины жизни и работы его родной Украины.

А теперь, из-за шутки, перед ним встала угроза попасть в неумолимые лапы генерала-самодура. Шевченко был в отчаянии. Но в это же самое время Жуковский, уведомленный о злом намерении генерала, поторопился разыграть в лотерею свой портрет, для того, чтобы собранной суммой выкупить Тараса. Целью этого выкупа было не только спасти Шевченко от мстительного самодура, но и дать ему возможность учиться в Академии, в которую крепостных не допускали.

Энгельгардт, увидев такую сумму, как 2.500 руб., согласился освободить Тараса.

Вот как описывает сам Шевченко это чуть ли не самое счастливое событие в его жизни:

„Сторговавшись предварительно с моим помещиком, Жуковский просит Брюлова написать с него портрет с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюлов тотчас же согласился, и портрет был у него готов. Жуковский с помощью Виельгорского устроил лотерею в 2.500 руб. ассигнациями, и этой ценой куплена была моя свобода 22-го апреля 1836 г. С этого же дня начал я посещать классы Академии Художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей Брюлова“.

В Тарасе все время боролись два больших желания: рисовать и в то же время его тянуло писать. Получив свободу, Тарас твердо решает отдаться главным образом живописи.

Но великий поэт не знал, что царское правительство не долго оставляет на свободе тех, кто самоотверженно призывает бедноту на борьбу за справедливость.

Глава седьмая

ТВОРЧЕСТВО ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Начались годы усиленной учебы.

В Академии, у знаменитого художника Брюлова, у поэта Жуковского и в первую очередь в тесном товарищеском кругу небольшого украинского землячества.

Этот период учебы показал Тарасу, что перед стремлением писать угасает его сильное желание рисовать.

В 1840 г. появился на украинском языке его первый сборник стихотворений под заглавием „Кобзарь“.

В этот сборник вошло все то, что написал Шевченко за последние три года.

Появление „Кобзаря“ было встречено очень недоброжелательно тогдашней русской интеллигенцией, нередко насмехавшейся над малороссийским языком и народностью.

Зато на Украине книга эта вызвала небывалый восторг и потоки новой любви к родному языку, бывшему в загоне (такова была одна из

мер царского правительства, которыми подавлялась самостоятельность Украины).

Книга эта и до сих пор является настольной для каждого украинского бедняка.

На этой книге воспитывались целые поколения украинских революционеров, с песнями Шевченко на губах умиравших за свое освобождение.

Почему так? Почему на долю Шевченко выпала такая исключительная роль властителя дум украинской бедноты?

Чтобы ответить на этот вопрос, разберем четыре стихотворения Тараса Григорьевича Шевченко. Эти стихотворения называются: „Сон“, „Холодный яр“, „Заповит“ (Завещание), „Кавказ“. В этих четырех стихотворениях отражается весь дух шевченковской поэзии.

В поэме „Сон“ поэт обвиняет царя и всех его чиновников. Все это произведение проникнуто пламенной ненавистью к палачам народа. Вот содержание этой поэмы.

Поэт видит сон: он летит над землей и перед ним расстилаются родимые степи Украины:

Смотрю, уж рассветает,
Край неба пылает,
Соловей в лесу дремучем
Солнышко встречает.
Степь и поле, все в тумане,
Тихо ветры веют.
Наклонившись над прудами,
Вербы зеленеют.

От плодов склонились ветви.
Тополи на воле
Стоят себе, словно стражи,
Беседуют в поле.
И вся моя Украина
Повита красою,
Зеленеет, умываясь,
Утренней росою.

Как живут люди в этой красивой стране? Поэт об этом дальше рассказывает:

Сермягу в заплатах с калеки дерут,
Чтобы деток господских одеть потеплее;
Вдову обирают за подать. Берут
Последнего сына—надежду и радость,—
В солдаты его отдают:
Их мало, должно быть. А вон под забором
Ребенок от голода дух испускает,
А мать его барскую рожь дожинает.

Но может быть, это только на одной Украине? Может быть, в другом месте лучше?

На крыльях сна поэт вместе с читателем перелетает границу Украины. И что же там?

Цепи загремели под землею...
. . . .
Взволновалася пустыня,
И, как-будто из гробов,
На последний суд свой страшный
Встали толпы мертвецов.
То не мертвые восстали,
Не суда просить идут,

А закованные люди
Кандалы свои несут.

Все идут из подземелья,
Слитки золота у них,
Чтоб заткнуть чем было глотку
У несытых и у злых.

А там на горизонте поэт видит другое:

Гляжу: с дорогами, домами
Со ста иль более церквами,
Там город. Словно журавли,
По плацу ходят москали [1].

И обуты, и одеты,
Кандалы на них надеты.
Маршируют...
Церкви да палаты,
Бояре пузаты,
Ни единой хаты.

Смеркалося. И повсюду
Огни засверкали.
Слышу я „ура“ в испуге...

Это Петербург, и в нем парад по тому случаю, что „сегодня сам Николай I изволит гулять“.

Глядя на памятник Петра I, Шевченко вспоминает, как Петр строил Петербург на гиблых болотах куда он привез из Украины на верную смерть 20.000 украинских казаков. Это была самая дешевая рабочая сила.

---

[1] Москаль—русский солдат.

Ты нас с Украины
Гнал, голых и голодных,
На снега чужбины.

Шкуры с нас сдирал, из них же
Сделал багряницы;
Нарядился и в обнове
Заложил столицу.

Погляди, теперь повсюду
Церкви да палаты...
Веселись, палач жестокий,
Проклятый, проклятый!

В стихотворении „Холодный яр“ рассказывается о бунте украинских крестьян против помещиков под предводительством Зализняка и Гонты в 1768 г.[1].

„Холодный яр“ — это глубокий овраг среди лесов Чигиринского уезда, Киевской губ., где собирались повстанцы-гайдамаки.

Там сбирались гайдамаки,
Табором стояли,
Приготавливали копья,
Ружья исправляли.

Украинская беднота не забыла гайдамачины; она восстанет против помещиков, и тогда пробьет смертный час власти угнетателей.

---

[1] Зализняк после усмирения гайдамачины русскими войсками был сослан в Сибирь, а Гонта был выдан польскому правительству, которое предало его мучительной казни: с Гонты содрали 12 полос кожи, затем разрубили на 14 частей, которые были разосланы по городам Украины и прибиты к виселице.

Над яром
Зализняк витает
И на Умань смотрит зорко,
Гонту поджидает.

. . . .

Скоро день настанет новый,
Будет жизнь иною,
И огонь из Яра вспыхнет,
Потечет рекою.

В стихотворении „Заповит“, пользующемся наибольшей любовью, Шевченко просит своих земляков:

— Как умру, похороните
На Украйне милой;
Пусть курган в степи широкой
Будет мне могилой.

Положите так, чтоб видел
Я луга и кручи,
Чтобы слышал, как волнами
Днепр ревет могучий.

Что еще завещает поэт?

...Поднимайтесь,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите!

И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрым, тихим словом.

В стихотворении „Кавказ“ Шевченко скорбит об убийстве своего друга на Кавказе, где пролито столько крови и слез, что

...Напоить
Всех императоров бы стало,
Детей и внуков утопить
Во вдовьих слезах. А девичьим
Слезам, пролитым по ночам,
И меры нет. А слез кровавых
Отцов и маток наших старых,
Горячих, жгучих этих слез
Не реки—море разлилось,
Огнем пылающее море.

Поэт убеждает горцев, сражающихся против русских за свою независимость, не сдаваться и продолжать борьбу:

Боритесь и поборете.
. . . .
За вас сила, за вас воля
И правда святая.

Такие мотивы лежали в основе всего поэтического творчества Шевченко. И если прибавить к этому то, что Тарас Шевченко является первым большим поэтом в украинской литературе, то нам станет ясна его исключительная роль в истории Украины.

Мы знаем, какие большие препятствия пришлось ему преодолеть, прежде чем он выбился на свой поэтический путь.

Казалось, что когда он уже стал знаменитым писателем, всем его мытарствам пришел конец. Но страдания Тараса были еще впереди. Приведенные нами четыре стихотворения стали известны не только бедноте, но и царю Николаю I, твердо решившему усмирить великого поэта-бунтаря.

Глава восьмая

СНОВА НА РОДИНЕ

В этот же период учебы, работы над собой, знакомства с выдающимися людьми того времени Тарас Григорьевич предпринимает поездку в дорогую ему Украину, где, навестив родных, остается до 1847 года (прибыл Тарас Григорьевич на Украину в 1843 году).

Годы пребывания на родной Украине очень много дали Тарасу, только начинавшему развертываться в большой, исключительный талант.

В своих письмах Шевченко рассказывает, как, прибыв после долгой разлуки на родину, он застал там все попрежнему: так же стонала украинская беднота, такую же разнузданность продолжали проявлять помещики.

Вот некоторые картинки из жизни тогдашней Украины, которые надолго врезались в память Тараса Григорьевича.

Однажды Шевченко, приглашенный на обед к одному господину в одном из украинских городов, прибыл ранее назначенного хозяином часа. В передней слуга дремал на скамейке. К несчастью, хозяин выглянул в дверь и, увидев дремавшего слугу, разбудил его собственноручно, не стеснившись наградить его несколькими тумаками и пинками. Тарас Григорьевич покраснел, надел шапку и поспешно удалился...

Перед ним живо предстала такая же расправа с ним самим пятнадцать лет тому назад в Вильно. В сознании Тараса встали десятки картин его детства, полного надругательств и побоев. Сейчас, став знаменитым, Тарас ни в коей мере не забыл прошлого. Картины его в соединении с тем, что он видел в настоящем, жгли его мозг и водили его рукой тогда, когда он писал стихи и поэмы, в которых неизменно обращался к бедноте...

Не менее интересен и другой бывший с ним случай.

Тарас Григорьевич был очень хорошо знаком с собирателем малорусских песен Лукашевичем и часто бывал в его имении, считая его добрым помещиком.

Однажды, в суровую зиму, этот самый Лукашевич присылает пешком своего крепостного в Яготин к Шевченке, за тридцать верст расстояния, по какому-то неважному делу с строгим наказом возвратиться с ответом в этот же день. Узнав о таком бесчеловечном поступке Лукашевича, Тарас

Григорьевич не хотел верить, что это сделал человек, которого он считал весьма гуманным и добрым по отношению к крестьянам. Не имея права удержать посланного до следующего дня, он излил все свое негодование в письме к Лукашевичу, сообщая ему, что прекращает с ним свое знакомство навсегда. Последний все же не унялся и ответил Тарасу Григорьевичу письмом, в котором этот „просвещенный“ помещик, ломавший из себя величайшего благодетеля, заявил, что у него, Лукашевича, самодура-помещика, имеется собственных триста душ, таких же олухов, как Шевченко...

Шевченко, рассказывая под свежим впечатлением этот случай, плакал, как маленький ребенок. Все эти случаи помогали Тарасу Григорьевичу уяснить себе то, что даже самый гуманный землевладелец, самый просвещенный чиновник не могут быть друзьями трудовому крестьянину. В 1845 году Шевченко разыскал много старых своих знакомых, в том числе священника села Кирилловки, которого он знал еще во время пребывания в школе дьячка Бугорского. Он много беседовал с ним про старину, но возбудил своим поведением неудовольствие нескольких молодых священников, с которыми Тарас был мало разговорчив, а провел весь вечер в беседе со стариком, вспоминая давно ушедшие годы.

По уходе Тараса Григорьевича во двор священника прибежала одна старуха по имени Лосма-

риха, обратившаяся к хозяевам с следующим вопросом:

— А что, батюшка, видали нашего Тараса? Как он вам показался?

— Да кто ж его знает, чудной он какой-то! С нами все больше молчал и говорил все со стариком, расспрашивая его все время про голодранцев,—презрительно ответил молодой священник.

— Странно мне то, что вы говорите, батюшка! С нами Тарас никогда не молчит, а наоборот, он всегда весел и говорит. Видно, ему не о чем было говорить с вами,—ответила старуха.

Простая, невежественная старуха высказала великую правду. Все истинные народные поэты принадлежат всецело своими симпатиями тому слою своего народа, тем группам и тому классу, с которым они никогда не разрывали кровной связи, оставаясь неизменными, преданными друзьями.

В скором времени Шевченко посетил город Нежин.

Шевченко находился в то время в зените своего творчества и своей славы. Двери шевченковой квартиры не затворялись; особенно не давали ему покоя студенты лицея, в числе которых был в то время и будущий переводчик Кобзаря — Н. В. Гербель.

Из Нежина Шевченко отправился в Чернигов, имея намерение срисовать древнюю утварь по

церквам и монастырям Черниговской губернии, так как в то время он занялся археологией[1] своей родины. В то же время поэт получил несколько заказов на портреты.

Пробыв до наступления весны в Чернигове, он отправился затем в Киев, где задумал срисовать важнейшие достопримечательности матери городов русских, так же, как и некоторые живописные окрестности.

И всюду, во всех городах Тараса Григорьевича встречали не менее тепло, с неменьшим восторгом и радостью, чем в Нежине.

Так, приезд Тараса Григорьевича на Украину показал, как глубоко ушли корни творчества первого большого малороссийского поэта в почву украинского народа.

Самому же Тарасу эта поездка, как мы уж говорили, дала очень много, и в одном своем письме, писанном в 1847 году, он делится с одним своим другом планами на будущее. Эти планы полны одним главным стремлением: написать ряд еще более крупных вещей, объединить вокруг себя молодых малороссийских писателей и принять активное участие в общественном движении Украины.

---

[1] Археология—наука, изучающая древность

Глава девятая

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА КАТОРГЕ

Когда Тарас Григорьевич возвращался из Чернигова в Киев, он был внезапно арестован. При обыске было найдено несколько стихотворений, среди них и приведенные нами.

Как только разнеслась весть об аресте Шевченко, его друзья принялись хлопотать об освобождении его. Однако все их усилия оказались тщетными.

Николай I знал, что такого врага, как Тарас, надо обезвредить как можно скорей.

В июне 1847 года Тарас Григорьевич был зачислен рядовым в Оренбургский батальон № 5 и препровожден в оренбургскую губернию, в Орскую крепость, со строгим запрещением писать или рисовать.

Срок службы солдат доходил до двадцати пяти лет. Эти двадцать пять лет представляли собой годы сплошных мучений и издевательств над личностью солдат. В основе обучения лежало одно мудрое правило, которым руководствовались офицеры царской армии: „сто солдат забей — одного выучи“.

И это правило деятельно осуществлялось в жизни. Николаевских солдат били изощренно и свирепо: выбивали зубы, отрывали уши, перебивали барабанные перепонки в ушах, выбивали глаза. Но самое ужасное было тогда, когда

солдата отдавали под суд. В таких случаях, безразлично, был ли он виновен или нет, его присуждали к „зеленой улице“.

Это был самый гнусный вид наказания (кстати, Шевченко нарисовал такую картину). Это наказание состояло в том, что провинившегося солдата заставляют пройти через несколько длинных шеренг солдат, каждый из которых обязан изо всех сил ударить его палкой.

Такими методами обучения царское правительство преследовало цель создания армии из покорных, ничего не думающих и слепо повинующихся болванов. В такого же бездушного человека, покорного и прибитого, царское правительство хотело превратить одного из самых передовых людей 40-х годов прошлого столетия.

Среди огромной и бесплодной пустыни находилась Орская крепость. В ней начал свою службу Шевченко. Его ничем не отличали от всех других солдат: он так же должен был нести тяжелый караул, его так же пропускали сквозь „зеленую улицу“ за каждый маленький проступок.

Но самое тяжелое наказание, самое ужасное заключалось в маленьком старичке с ехидной блуждающей улыбкой, одетого в черное монашеское платье. Этот старичок неотступно шел за Тарасом. Он спал вместе с ним, садился вместе с ним есть, вместе с Тарасом шел гулять (правда, это уж было совсем редко).

В чем же заключались обязанности этого странного дьячка? Быть может, этот старичок держал при себе плети, которыми он бил Тараса? Нет, для этого в Орской крепости были люди посильнее старичка и поискусней в деле наказывания.

Но все же этот старичок, больше чем плети, больше чем „зеленая улица", терзал Тараса Григорьевича.

На обязанности этого дьячка было неотступно следить за тем, чтобы Тарас не брал в руки ни карандаша, ни ручки с пером, ни даже кусочка угля.

Из Санкт-Петербурга, из министерства внутренних дел вышло распоряжение о том, чтобы в течение всей службы Тарас Григорьевич не смел нарисовать хотя бы одну линию или же написать одну букву.

В голове Тараса неслись бесконечные образы, толпились многие думы, душу его волновали тысячи вопросов.

О если б он мог хотя бы одну ночь писать!

С каким бы наслаждением он взял в руки карандаш, как нежно держал бы его в руках и какие пламенные, какие хорошие вещи он написал бы в течение этой одной ночи...

Безлюдная Орская крепость была бы для него тогда наполнена тысячами дорогих образов, закрепленных на бумаге.

Он тогда верил бы, что рано или поздно строки бритого каторжанина-солдата дойдут до

...В этом старом, поседевшем солдате-каторжнике мы с трудом узнаем Тараса Шевченко

его милой Украины, закованной в кандалы неволи. унылый лязг которых терзал ухо Тараса Шевченко и тогда, когда он сам был прикован к скале тяжелой, неимоверно тяжелой жизни.

Но лишь только Тарас отдавался этим мечтам. как перед его глазами вырастала маленькая. юркая фигурка старичка.

Но Николаю I показался слишком мягким режим жизни в Орской крепости, и после одного случая, когда в жизни Тараса Григорьевича произошло изменение как-будто к лучшему, Шевченко, по распоряжению Николая I, был заключен в Ново-Петровское укрепление, находившееся на северо-восточном берегу Каспийского моря, в киргизской пустыне.

Вот как описывал Тарас Григорьевич это проклятое место, в котором он пробыл много лет. сопровождаемый живучим, как клоп, дьячком.

„Песок да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо. Ничего нет! Даже горы порядочной не увидишь; смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьмет, просто хоть давись, да и давиться нечем...“

В том же письме поэт, окончательно подавленный, пишет.

„Родился я и вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом. Пусть бы уж хоть какой-нибудь конец, а то, право, надоело!“

Десятью годами томительной, однообразной, жестокой жизни в киргизской пустыне Тарас Григорьевич поплатился за то, что громко и честно сказал правду о тяжелой доле украинской бедноты.

Песчаный берег Каспийского моря... На большом камне, обросшем тиной и водорослью, сидит седой, с огромной лысиной солдат в изодранной шинельке.

Лицо изборождено морщинами, на правом плече большой рубец—память о близком знакомстве с палкой капитана Ново-Петровского укрепления.

В этом старом, поседевшем солдате мы с трудом узнаем вечно деятельного, молодого и кипучего украинского певца, Тараса Григорьевича Шевченко.

Набегают волны на камень... Вблизи раздается пронзительный свист — это зовут солдат на проверку...

Сидит Тарас Григорьевич, и глаза его устремлены далеко в даль...

Туда, за горизонты, за киргизские степи, за волжские равнины,—туда, где раскинулась среди живописных степей его любимая Украина и родная ему украинская беднота...

Тарас помнит о своей родине, Тарас помнит о тех людях, жизнь которых так тесно переплетена с его так нескладно сложившейся жизнью...

Годы муштры, годы солдатчины, годы побоев и издевательств не превратили поэта-бунтаря

в покорного олуха-солдафона... Под огромной лысиной бьется горячий ум, мысли которого попрежнему чисты и попрежнему полны безграничной любовью к бедноте и большой ненавистью к тому порядку, который влечет за собой мучения и страдания.

В 1856 году Шевченко посетил в Ново-Петровске известный русский писатель Писемский, командированный морским министерством для описания Прикаспийского края.

Беседуя с ним, он между прочим сообщил ему, что, находясь на одном вечере в Петербурге, где собралось человек двадцать его земляков, он слышал его стихи, и все плакали от восторга, и имя „Тарас Григорьевич Шевченко" произносили с восторгом и любовью.

Несмотря на все запрещения, стихи каторжанина-солдата Шевченко читались новыми поколениями украинской молодежи, и к далеким киргизским степям, в которых был заточен поэт-бунтарь, неслись горячие приветы тысяч людей, находивших величайшее утешение в стихах Тараса Шевченко...

Наконец 2-го мая 1857 года, спустя десять лет после ареста, пришла весть о помиловании.

В 9 часов вечера 2-го августа Тарас Шевченко, опираясь на палку, в изодранной солдатской шинели, покинул Ново-Петровское укрепление, покинул безлюдные киргизские степи, в которых

царское правительство сгноило большую часть его способностей и лучшие годы его жизни.

После трехдневного плавания в рыбачьей лодке по морю и по Волге он прибыл в Астрахань.

Глава десятая

ПИОНЕР, ЗАПОМНИ ИМЯ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Спустя три года после освобождения из крепости Тарас Шевченко умер...

Сказались годы, проведенные на каторге.

Из всех заветных мечтаний ему удалось осуществить лишь одно: побывать на Украине!

Мы снова застаем его в селе Кирилловке, в том селе, за пределами которого много лет назад Тарас искал „железные столбы"...

Снова светит жаркое южное солнце на ясном темно-голубом небе. Снова расстилаются большие равнины, изредка прерываемые высокими курганами.

Старое, знакомое, родное село Кирилловка!

Средних лет женщина, худая, истощенная, усердно копает гряды небольшого огорода.

Пот струится ручьями по ее бледному, изможденному лицу, она вытирает его от времени до времени покрытым пылью передником, не прерывая тяжелого труда.

— Мама, а мам, тебя какой-то Тарас спрашивает! — кричит ей еще издали прибежавшая вся запыхавшаяся маленькая девочка.

— Какой такой Тарас? — спрашивает в недоумении женщина, приостановив внезапно работу и опершись в изнеможении обеими руками на воткнутую в землю лопату.

— Я не знаю, мама, какой! Он только сказал мне, скажи твоей матери, что пришел Тарас...

— Тарас! — воскликнула с волнением женщина, сделав быстрое движение вперед. — Но ноги отказались ей повиноваться, и она опустилась в изнеможении на землю.

В это время в дверях калитки показался человек среднего роста, с седыми усами, обширной лысиной и с мягким, ласковым взглядом светло-серых глаз.

— Здравствуй, сестра. Или не узнала! — проговорил он приветливо, приблизившись к женщине.

— Тарасенько, братец мой родненький! — воскликнула радостно последняя, бросаясь ему на шею и страстно обнимая.

— Я, я, Ирина, сестренка моя дорогая! Как видишь, жив и здоров, и приплелся на родину, чтобы повидаться с вами и разузнать о твоем житье-бытье, — отвечал Шевченко, нежно целуя сестру.

— Ох, Тарасенько, не любо мне и говорить о своем житье: что я мук приняла, сколько я

...В дверях калитки показался Тарас

нужды и горя видела, и передать не смогу,— сказала Ирина, горько заплакав.

— Верно, верно, сестра, иначе не могло и быть...— проговорил Тарас Григорьевич, опускаясь на землю возле сестры. А все же садись и расскажи мне все, как было, всю твою жизнь от начала до конца.

И положив голову на колени сестры, он стал внимательно слушать горькую, тяжелую повесть ее жизни, неоднократно прерываемую жгучими слезами исстрадавшейся женщины.

Она заключила свой рассказ смертью пьяницы-мужа, разорившего дом и нещадно колотившего жену. Тарас Григорьевич встал, взглянул на ясное, безоблачное небо и сказал:

— Десять лет неволи отняли у меня много сил, но все же я сделаю все, чтобы помочь тебе.

Шевченко пробыл несколько дней со своей любимой сестрой.

Он решил сделать все от него зависящее, пожертвовать последним своим грошем, чтобы освободить семью своей сестры от крепостной зависимости.

В деле освобождения родных Шевченко принял горячее участие знакомый его, Новицкий, взявший на себя переговоры с неумолимым рабовладельцем.

Как бы предчувствуя свою близкую смерть, Тарас Григорьевич желал видеть своих родных

людей свободными и хлопотал неустанно до тех пор, пока не достиг своей цели.

Родные Тараса Григорьевича получили свободу.

А спустя несколько недель, 26-го февраля 1860 года, Шевченко умер.

На смерть Шевченко, на смерть певца украинской бедноты, поэт русского трудового крестьянства Некрасов написал стихотворение:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, даже желательный, —
Так погибает по божьей по милости,
Русской земли человек замечательный.

С давнего времени молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем — долгие дни заключения.

Все он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, неизвестности,

Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Жил, оскорбляемый всяким невеждою;
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил только этой надеждою.

Но сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое...

Крепко запомним в заключение несколько хронологических дат из жизни Тараса Григорьевича Шевченко:

Родился 25-го февраля 1814 года.

Учиться по-настоящему (в академии) стал в 1838 – 1839 году.

В 1840 году вышла первая книга его стихов „Кобзарь“.

В 1847 году арестовывают Тараса.

10 лет на каторге.

Последние 3 года - борьба с физическими недугами, приведшими его к смерти в феврале 1860 года.

И только большая, исключительная воля в соединении с не менее большой любовью к бедноте своего народа дали ему возможность, вопреки всем препятствиям, стать первым великим украинским поэтом.

И не даром сейчас на собраниях в советской Украине после Интернационала поют шевченковскую „Заповиту“.

Песни Шевченко и в наши дни могут воспитывать и звать на борьбу трудовые массы.

Нет и в помине крепостного права.

Камня на камне не осталось от царского престола.

Но горе, нищета, людские мучения — все это по сей день свивает себе прочные гнезда на земле.

Только в одной шестой части света власть в свои руки взяла беднота.

Впереди еще много, много боев. И для того, чтобы выйти из этих боев победителями, надо много веры, много воли, много любви к делу рабочего класса.

Эту веру, эту волю, эту любовь можно целыми пригоршнями черпать из произведений горемыки-кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко.

Только в последние годы на Украине стали по-настоящему знакомиться с тем, что писал Тарас Григорьевич Шевченко. Это объясняется тем, что вплоть до того времени, когда власть на Украине перешла в руки советов, украинский язык, украинская культура подвергались преследованиям, и им не давали возможности развернуться, искусственно навязывая украинским массам русский язык. Только сейчас, только в последние годы на Украине стал властвовать родной украинский язык.

Советская власть в первую голову уничтожила то зло, которое заключалось в подавлении чужой национальности.

Впервые за последние два года Украина покрылась сетью школ, в которых обучают на украинском языке, а в этих школах появились книжки, написанные на родном языке.

И имя Тараса Григорьевича Шевченко, заговорившего по-родному тогда, когда этот язык был презираем, имя Тараса особенно живо сейчас.

Любовь к своему языку ни в коем случае не должна означать неприязнь к другому языку. И советская власть, Коммунистическая партия содействуют всеми силами процветанию украинской культуры, потому что таким образом можно легче, можно скорее поднять широкие массы на более высокую ступень развития. И любовь самого Тараса Шевченко к украинской бедноте никогда не заглушала в нем чувства любви к бедноте всего мира. Но он пел и говорил об украинской бедноте больше всего потому, что она была ему ближе, он ее лучше знал, он вышел из ее рядов.

Пионер, который должен воспитать в себе будущего большевика, будущего борца за славное дело бедноты, многому научится у поэтической „бандуры“ Тараса Шевченко.

Дело всей его жизни по сей день не закончено.

Младшему поколению трудящихся—теперешним пионерам — придется разбить последние звенья длинной цепи капиталистического рабства.

И на пользу, на большую пользу послужит пионеру то, что он ознакомится с жизнью Тараса Шевченко и с его литературными произведениями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

40 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСА
МОСКВА, Новая площадь, 6/8, „Молодая
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, 54
ХАРЬКОВ, Троицкий пер., 2
РОСТОВ н/ДОНУ, Проспект Подбельского, 15
КИЕВ, Ул. Воровского, 25, Пассаж, 33
СВЕРДЛОВСК, Ул Ленина, 40